

V. ЭМПИРИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ В ЕГО ОТНОШЕНИИ К СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

История способна делать стереотипы устаревшими. Это видно на примере исторического развития социологии. Стереотип социолога-теоретика, витающего в эмпириях чистых идей, не оскверненных земными фактами, быстро устаревает, как и стереотип социолога-практика, вооруженного анкетой и карандашом в погоне за отдельными и ничего не значащими статистическими данными. При возведении здания социологии за последние десятилетия теоретик и эмпирик научились работать вместе. Более того, за это время они научились разговаривать друг с другом. Иногда это означает лишь то, что социолог научился разговаривать сам с собой, поскольку все чаще один человек занимается и теорией, и эмпирическим исследованием. Специализация и интеграция развиваются параллельно. Все это привело не только к осознанию того факта, что теория и эмпирическое исследование *должны* взаимодействовать, но и к тому, что они *действительно* взаимодействуют.

В результате уже нет необходимости в том, чтобы анализ связей между теорией и исследованием носил чисто программный характер. Увеличивающийся объем теоретически ориентированных исследований дает все большую возможность плодотворно обсуждать фактические связи между ними. И, как нам всем известно, недостатка в таких обсуждениях нет. Журналы пестрят ими. В центре дискуссии обычно находится вопрос о роли теории в исследовании, зачастую сопровождаемый в высшей степени понятным изложением функции теории в замысле и проведении эмпирического исследования. Но поскольку это не односторонняя связь, поскольку они *взаимодействуют*, может оказаться полезным изучить второе направление взаимоотношений: роль эмпирического исследования в развитии социальной теории. Такова цель данной главы.

© Перевод. Егорова Е.Н., 2006

Теоретические функции эмпирического исследования

За несколькими заметными исключениями недавние социологические дискуссии отвели эмпирическому исследованию всего одну важную функцию: проверки или верификации гипотез. Модель правильного осуществления этой функции общеизвестна. Исследователь исходит из предчувствия или гипотезы, делает на этой основе разные выводы, а они, в свою очередь, подвергаются эмпирической проверке, которая подтверждает или опровергает гипотезу¹. Но это логическая модель, и поэтому, конечно, ей не удастся описать многое из того, что действительно происходит при плодотворном исследовании. Она представляет собой набор логических норм, а не описание того, что происходит непосредственно в процессе исследования. И, как прекрасно осознают логики, стремясь изобразить этот процесс в чистом виде, логическая модель может также исказить его. Как и другие модели, она абстрагируется от временной последовательности событий. Она преувеличивает творческую роль эксплицитно выраженной теории и сводит к минимуму творческую роль наблюдения. Ибо исследование не просто логика, смешанная с наблюдением. Оно имеет и свои психологические, а не только логические аспекты, хотя это едва ли можно было бы заподозрить, если исходить из той логически строгой последовательности, в которой обычно излагается ход исследования². Мы как раз и хотим выяснить психологические и логические требования, предъявляемые эмпирическим исследованием к социальной теории.

Мой центральный тезис гласит, что роль эмпирического исследования далеко не исчерпывается пассивной верификацией и проверкой теории: оно не только подтверждает или опровергает гипотезы, но и делает нечто гораздо более важное. Исследование играет активную роль; оно выполняет по крайней мере четыре главные функции, которые помогают разработать теорию. Оно инициирует теорию, дает новые формулировки, придает новые направления развитию и уточняет теорию³.

¹ См., например, методологический обзор работы Стоуффера, (Stouffer, «Theory of intervening opportunities») Дж. Ф. Лундбергом (G.F. Lundberg, «What are sociological problems?», *American Sociological Review*, 1941, 6, 357—369). — *Примеч. автора.*

² См. R.K. Merton, «Science, population and society», *The Scientific Monthly*, 1937, 44, 170—171; удачное обсуждение: Jean Piaget, *Judgement and Reasoning in the Child* (London, 1929), Chaps. V, IX, и комментарий: William H. George, *The Scientist in Action* (London, 1936), 153. «Исследовательская работа развивается не так, как она подробно написана для публикации». — *Примеч. автора.*

³ Четвертая функция, уточнение, была разработана Полом Ф. Лазарсфельдом. — *Примеч. автора.*

1. Модель «серендипити», или «нежданно-негаданно» (Непредвиденный, аномальный и стратегический исходный факт заставляет основать теорию)

При определенных условиях обнаруженный в ходе исследования факт приводит к созданию социальной теории. В одной из более ранних работ это было кратко сформулировано следующим образом: «Плодотворное эмпирическое исследование не только проверяет теоретически выведенные гипотезы; оно также порождает новые. Это можно назвать компонентом «неожиданности» в исследовании, т.е. обнаружением достоверных результатов, открытие которых не планировалось благодаря случайности или прозорливости»⁴.

Модель «серендипити»^{4a} относится к довольно распространенному явлению, когда обнаруживают *непредвиденный, аномальный* или

⁴ R.K. Merton, «Sociological Theory», *American Journal of Sociology*, 1945, 50, 469n. Любопытно, что такой же странный термин «серендипити», который имел малое хождение с тех пор, как его создал Хорас Уолпоул в 1754 году*, был также использован в отношении этого компонента исследования физиологом Уолтером Б. Кэнноном. См.: Walter B. Cannon, *The Way of an Investigator* (New York: W.W. Norton, 1945), chap. VI, в которой он приводит много случаев непредвиденности в нескольких областях науки. — *Примеч. автора.*

* В оригинале *serendipity* — счастливая способность к открытиям; интуитивная прозорливость. Этим словом Хорас Уолпоул обозначил способность, которой обладал герой сказки «The Three Princes of Serendip». — *Примеч. пер.*

^{4a} С тех пор как предыдущее примечание впервые было написано в 1946 году, слово «серендипити», несмотря на все свою этимологическую странность, распространилось далеко за пределами академической среды. Высокие темпы его распространения можно проиллюстрировать следующим образом; в последнее время оно замескало на страницах «Нью-Йорк таймс». 22 мая 1949 г. Вольдемар Кимпферт, научный редактор журнала, получил повод употребить термин «серендипити» в своем обзоре статьи Эллиса МакДональда — и это на самой важной странице, посвященной недавним достижениям в науке. Где-то через три недели после этого, 14 июня, Орвил Прескотт, литературный критик «Таймс», был явно очарован этим словом, поскольку в рецензии на книгу, герой которой обожал причудливые слова, Прескотт спрашивает, знает ли он слово «серендипити». В День независимости 1949 года слово «серендипити» получает всеобщее признание. Без всяких пояснений или кавычек слово «серендипити» появляется на первой странице «Таймс». Оно завоевывает такую широкую известность благодаря новостям из Оклахома-Сити, передающим речь сэра Александра Флеминга, открывателя пенициллина, на торжественном открытии в Оклахома Фонда медицинских исследований. («Опыт сэра Александра, приведший к открытию современных лекарственных препаратов, — так начинается статья Роберта К. Плама, — часто приводят как выдающийся пример важности «серендипити» в науке. Он обнаружил пенициллин случайно, но всей своей работой был подготовлен к ожиданию значимых научных случайностей»). Пропутешествовав сначала по эзотерической странице, посвященной науке, потом по менее специфическим колонкам книжного обозрения и добравшись до популярной первой страницы, слово «се-

стратегический исходный факт, который служит поводом для развития новой теории или для расширения существующей. Каждый из элементов этой модели легко описать. Прежде всего факт является непредвиденным. Исследование, направленное на проверку одной гипотезы, приносит случайный побочный продукт — неожиданное наблюдение, имеющее отношение к теориям, о которых в начале исследования не было и речи.

Второе: наблюдение является аномальным, удивительным⁵ потому, что кажется несовместимым с преобладающей теорией или с другими установленными фактами. В любом случае кажущаяся несовместимость пробуждает любопытство; подталкивает исследователя на то, чтобы «осмыслить факт», найти ему место в более широких познавательных системах. Он продолжает поиск: делает новые наблюдения, а из наблюдений — выводы, зависящие в основном, конечно, от его общей теоретической ориентации. Чем больше он погружается в данные, тем больше вероятность того, что он натолкнется на перспективное направление исследования. Если ему повезет и его новое предчувствие оправдается, аномальный факт приведет в конце концов к новой или расширенной теории. Любопытство, вызванное аномальным фактом, временно удовлетворено.

И третье: отмечая, что неожиданный факт должен быть стратегическим, т.е. должен допускать смыслы, имеющие отношение к обобщенной теории, мы, конечно, имеем в виду то, что наблюдатель при-

рендипити» получило право гражданства. Возможно, оно скоро попадет на страницы кратких американских словарей.

Это, таким образом, еще один пример того, как термин, давно не встречавшийся в обиходной речи, возродился и нашел широкое применение. (Сравните примечание 6 в главе VI, относящееся к похожей истории термина *аномия*.) И опять здесь можно было бы спросить: чем объясняется культурный резонанс, вызванный последнее время этим придуманным, странно звучащим, но полезным словом?

Вопросы такого порядка изучаются в написанной Элиной Дж. Барбер и мной монографии о социологической семантике, что вызвано распространением слова «серендипити» в культуре. В работе изучаются социальные и культурные контексты создания этого слова в восемнадцатом веке; состояние соответствующего общественного мнения, когда оно впервые появилось в печати в девятнадцатом веке; модели реакции на этот неологизм при первой с ним встрече; разнообразные социальные круги литераторов, ученых, занимающихся естественными и социальными науками, инженеров, лексикографов и историков, в которых оно получило распространение; изменения в значении, которые оно претерпело в ходе распространения, и разнообразное идеологическое употребление, которое оно получило. — *Примеч. автора.*

⁵ Чарльз Сэндерс Пирс давно отметил стратегическую роль «удивительного факта» в изложении того, что он называл «абдукцией», то есть зарождением и рассмотрением гипотезы как одной из стадий заключения. См. его Charles Sanders Pierce, *Collected Papers*, VI, 522—528. — *Примеч. автора.*

вносит в факт, а не сам факт. Ведь для того чтобы обнаружить общее в частном, требуется наблюдатель с теоретическим складом ума. В конце концов, люди веками отмечали такие «тривиальные» случаи, как оговорки, описки, опечатки и провалы в памяти, но потребовалась теоретическая интуиция Фрейда, чтобы увидеть в них стратегические данные, благодаря которым он смог расширить свою теорию «вытеснения» и симптоматических актов.

Модель «серендипити», таким образом, подразумевает непредвиденный, аномальный и стратегический факт, который заставляет исследователя выбрать новое направление, которое приводит к расширению теории. Примеры «серендипити» имели место во многих дисциплинах, но я бы хотел обратиться за примером к недавним социологическим исследованиям. В ходе изучения социальной организации Крафтауна⁶, пригородного поселка, насчитывающего 700 семей, в основном имеющих статус рабочего класса, мы обнаружили, что здесь гораздо большая доля жителей входит в большее число гражданских, политических и других добровольных организаций, чем на прежних местах жительства. Совершенно случайно мы затем заметили, что членство в группах также возросло среди родителей младенцев и маленьких детей. Эти данные в какой-то мере противоречили здравому смыслу. Ведь известно, что особенно в семьях с низким уровнем благосостояния дети обычно связывают родителей по рукам и ногам и препятствуют их активному участию в организованной жизни группы за пределами своего дома. Но родители в Крафтауне сами с готовностью объяснили свое поведение. «Да в общем-то это не проблема, если надо уйти вечером, — сказала одна мать, член нескольких организаций. — Всегда можно найти подростков, чтобы они присмотрели за детьми. Здесь их гораздо больше, чем там, где я жила раньше».

Объяснение кажется достаточно адекватным и удовлетворило бы любопытство исследователя, если бы не один смутивший нас факт: как и в большинстве новых жилых массивов, в Крафтауне очень небольшая доля подростков — лишь 3,5%, например, в возрастной группе от 15 до 19 лет. Более того, большинство взрослых, 63%, — моложе 34 лет, так что их дети составляют подавляющее большинство младенцев и маленьких детей. Таким образом, в Крафтауне совсем немного подростков, которые могли бы присмотреть за детьми, а верно совсем другое: пропорция подростков и детей моложе 10 лет 1:10, тогда как в местах их прежнего жительства она 1:1,5⁷.

⁶ Взято из работ по изучению социологии и социальной психологии жилых массивов, проведенных на грант от Фонда Лаванбурга. — *Примеч. автора.*

⁷ По сути то же расхождение между возрастным распределением в Крафтауне и прежними местами жительства его обитателей можно обнаружить при сравнении

Мы, таким образом, неожиданно столкнулись с аномальным фактом, который, безусловно, не входил в нашу первоначальную программу наблюдений. Мы не приступали да и не могли приступить к своему исследованию в Крафтауне, начав его с гипотезы, базирующейся на иллюзорном представлении об избытке подростков, присматривающих за детьми. Тут наблюдение было и непредвиденным, и аномальным. Было ли оно также стратегическим? Мы не спешили придать ему важность «как таковому». Оно казалось не более и не менее тривиальным, чем наблюдение, сделанное Фрейдом во время последней войны (когда оба его сына были на фронте); он заметил, что неправильно прочитал заголовок в газете — «Die Feinde vor Gorz» (*Враг перед Гёрцем*), приняв его за «Der Friede von Gorz» (*Мир в Гёрце*). Фрейд взял тривиальный случай и превратил его в стратегический факт. Если наблюдаемое расхождение между субъективными представлениями жителей Крафтауна и объективными фактами нельзя было подвергнуть аналогичному преобразованию, его лучше было бы проигнорировать, поскольку оно явно имело малую «социальную значимость».

Однако именно невозможность объяснить эту иллюзию просто как продуманное преследование корыстного интереса, заключающегося в распространении представления, противоречащего фактам, превратило ее в чрезвычайно интересный пример общетеоретической проблемы. Вообще говоря, когда социолог, концептуальная программа которого исходит из утилитарной теории, замечает явно не соответствующее действительности социальное представление, он будет искать особые группы, в чьих интересах придумывать и распространять это представление. Возглас «Пропаганда!» часто принимают за теоретически обоснованный анализ⁸. Но в данном случае это абсолютно исключено: тут просто нет групп, заинтересованных в том, чтобы неверно представить возрастное распределение населения Крафтауна. Каков же тогда источник этой социальной иллюзии?

Разнообразные теории предлагали свою отправную точку. Был постулат Маркса, согласно которому «общественное бытие опре-

пропорции детей младше десяти лет и теми, кому от 10 до 19. Если за основу сравнения мы возьмем детей младше пяти лет, диспропорции будут еще более заметны. — *Примеч. автора.*

⁸ Безусловно, корыстные интересы на самом деле ведут к пропаганде неверных сведений, и это может усилить массовые иллюзии. Но теории корыстного интереса или пасторской лжи, объясняющие ошибочные мнения людей, не всегда представляют собой самую многообещающую отправную точку; к тому же они далеки от объяснения основ восприятия представлений или их отрицания. Рассматриваемый случай, хотя и является тривиальным в любом практическом смысле, имеет теоретическое значение, так как еще раз показывает ограниченность утилитарной программы анализа. — *Примеч. автора.*

деляет сознание». Была теорема Дюркгейма: социальные образы («коллективные представления») некоторым образом отражают социальную реальность, хотя «отсюда не следует, что реальность, лежащая в его основе, соответствует объективному представлению о ней». Был тезис Шерифа, гласящий, что «социальные факторы» обеспечивают систему координат для избирательной перцепции и суждений в относительно неструктурированных ситуациях. Было и преобладающее в социологии познания мнение, что социальное местоположение определяет угол зрения при формировании восприятия, представления и идеи. Но какие бы соображения ни подсылали эти общие ориентации⁹, они не говорили прямо о том, *какие именно* особенности социального бытия, *какие именно* аспекты социальной реальности, *какие именно* социальные факторы и *какое именно* социальное расположение могли сформировать это, по-видимому, неверное представление.

Ключ к разгадке мы невольно получили из дальнейших бесед с жителями. Вот что сказала активистка из Крафтауна, мать двоих детей моложе шести лет:

Мы с мужем стали гораздо чаще уходить вместе. Видите ли, здесь вокруг больше людей, которые могли бы присмотреть за детьми. *Чувствуешь себя уверенней, если оставляешь дома какого-нибудь подростка тринадцати-четырнадцати лет здесь, где почти всех знаешь. А в большом городе как-то не по себе, если у тебя дома находится почти незнакомый человек.*

Это явно говорит о том, что социологические корни этой «иллюзии» находятся в структуре отношений, которые связывают сообщество жителей Крафтауна. Их мнение является невольным отражением не статистической реальности, а сплоченности этого сообщества. Дело не в том, что в Крафтауне объективно больше подростков, а в том, что больше таких подростков, с кем близко знакомы, кто в силу этого *социально существует* для родителей, нуждающихся в помощи по присмотру за детьми. Большинство жителей Крафтауна, переехав недавно из городских кварталов, теперь оказались в таком сообществе, где близость расстояния перешла в близкие отношения. Данная иллюзия отражает мнение людей, для которых подростки в качестве помощников по уходу за детьми «существуют» лишь тогда, когда их хорошо знают, и они в силу этого внушают доверие. Коро-

⁹ Различия между теорией и общими ориентациями были рассмотрены в главе IV. — *Примеч. автора.*

че говоря, восприятие было функцией доверия, а доверие, в свою очередь, было функцией социальной сплоченности¹⁰.

С социологической точки зрения, таким образом, этот непредвиденный факт вписывается в теорию, согласно которой социальное восприятие является продуктом социальной структуры, и расширяет эту теорию. Он развивает «психологию социальных норм»¹¹, поскольку не представляет собой просто пример того, что индивиды усваивают конкретные нормы, суждения и стандарты от других членов сообщества. Социальная перцепция является скорее побочным продуктом, производным от структуры человеческих отношений.

Этого, наверное, достаточно, чтобы показать, как срабатывает модель «серендипити»: неожиданный и аномальный факт возбудил любопытство исследователя и повел его по не обдуманной заранее боковой тропинке, которая привела его к свежей гипотезе.

2. Переработка теории

(Новые данные заставляют перерабатывать концептуальную систему)

Но эмпирическое исследование вызывает расширение теории не только благодаря аномальному факту. Это происходит также благодаря тому, что в поле зрения ученых снова и снова попадают факты, которыми раньше пренебрегали. Когда существующая концептуальная схема, применяемая обычно к объекту изучения, не учитывает этих фактов адекватным образом, исследование настойчиво требует дать ее новую формулировку. Это приводит к введению переменных, которые не включались систематически в программу анализа. Здесь, надо заметить, дело не в том, что данные являются аномальными,

¹⁰ Расчетные данные из исследования дают этому подтверждение. В связи с исключительно высокой долей маленьких детей поражает то, что 54% их родителей подтверждают, что «в Крафтауне легче найти кого-то, кто присмотрел бы за детьми, когда мы уходим», чем в других местах, где они жили; лишь 21% говорит, что труднее, и оставшиеся 25% не чувствуют разницы. Те, кто переехал из более крупных городских сообществ, чаще сообщают, что в Крафтауне легче найти такую помощь. Более того (и этого можно было ожидать исходя из нашей гипотезы), те жители, которые больше влились в жизнь Крафтауна, полнее себя с ним ассоциируют, гораздо чаще считают, что такую помощь найти легче: 61% тех, для кого это верно, против 50% тех, кто себя отождествляет с другими сообществами, тогда как лишь 12% считают это более трудным по сравнению с 26% второй группы. — *Примеч. автора.*

¹¹ Книгу Музафера Шерифа, носящую это название, стоит упомянуть как основополагающую в этой области, хотя она отличается несколько ограниченным представлением о «социальных факторах», *The Psychology of Social Norms* (New York, 1936). — *Примеч. автора.*

неожиданными или несовместимыми с существующей теорией, а в том, что их не считали существенными. В то время как в модели «серендипити» главным является очевидная несогласованность, которая требует разрешения, — в модели «новой формулировки» главное — это проигнорированные, но релевантные факты, которые требуют расширения концептуальной схемы.

Примеров такого рода в истории социологии предостаточно. Так, именно ряд свежих эмпирических фактов и позволил Малиновскому включить новые элементы в теорию магии. Именно его тробриандеры, конечно, подсказали ему отличительную особенность его теории. Когда эти островитяне рыбачили во внутренней лагуне, полагаясь на испытанный способ отравления рыбы, был обеспечен богатый улов и не было никакой опасности. Не было ни неопределенности, ни опасностей, ни бесконтрольного риска. И здесь, отмечает Малиновский, магию не применяли. Но при ловле рыбы в открытом море, когда не было уверенности в улове и часто подстерегала опасность, магические обряды процветали. Из этих содержательных многообещающих наблюдений и появилась его теория, согласно которой магические верования появляются для того, чтобы компенсировать неопределенность в практических устремлениях человека, чтобы укрепить его уверенность, уменьшить беспокойство, дать пути отхода, чтобы выйти из кажущегося тупика. Магию истолковывали как дополнительное средство достижения практических целей. Именно эти эмпирические факты и навели его на мысль включить новые аспекты в прежние теории колдовства — особенно связи колдовства со случайным, опасным и неконтролируемым. Это не значит, что эти факты *не согласовывались* с прежними теориями, просто старые концептуальные системы недостаточно их учитывали. Да и Малиновский не проверял заранее созданную гипотезу — он развивал и совершенствовал теорию на основе заставляющих задуматься эмпирических данных.

Другой пример того, что эмпирические данные заставляют перестраивать конкретную теорию, мы находим поближе к дому. Исследование касалось единичного, но впечатляющего случая массового убеждения: выходя периодически в эфир на протяжении восемнадцати часов, Кэйт Смит, популярная ведущая, продала огромное количество военных облигаций в течение одного дня. Я не намерен полностью излагать динамику этого случая массового убеждения¹²; исходя из наших целей на настоящий момент, мы заинтересованы лишь в выводах из двух фактов, появившихся в результате изучения.

Прежде всего в ходе интенсивных опросов многие наши респонденты — жители Нью-Йорка, купившие облигацию у Смит, — вы-

¹² Merton, «Fiske and Curtis», *Mass Persuasion*. — *Примеч. автора.*

ражали полное разочарование в мире рекламы и пропаганды. Они чувствовали, что ими манипулируют, и им это не нравилось. Они не хотели быть объектом рекламы, которая обманывает, настаивает и терроризирует. Они возражали против того, чтобы их окружала пропаганда, предлагающая мнения и поступки далеко не в их интересах. Их ужасало то, что по сути является профанацией настоящей, подлинно человеческой общности и придает всем ее проявлением фиктивный характер — хитрые методы продажи, где присутствует имитация личного интереса к клиенту, чтобы лучше им манипулировать. Как выразился один из мелких бизнесменов: «В своем собственном бизнесе я вижу, как многие люди при своих сделках обычно делают какой-то дружеский жест, изображают искренность и так далее, а в основном все это фальшивка». Выбранные из высококонкурентоспособного, расслоенного общества в столице, наши респонденты описывали атмосферу взаимного недоверия, *аномии*, при которой общие ценности потонули в пучине личных интересов. Общество воспринимали как арену соперничающих между собой мошенников. В бескорыстность такого поведения верили мало.

Полной противоположностью был второй факт: мы обнаружили, что убедительность кампании по продаже облигаций у Смит в глазах тех же опрошенных в основном объяснялась их полной верой в честность и искренность ведущей. И, как обнаружилось, во многом то же наблюдалось при опросе большой выборки, отражавшей поперечный разрез почти тысячи жителей Нью-Йорка. Целых 80% утверждали, что во время своей круглосуточной кампании Смит была заинтересована *исключительно* в продаже военных облигаций, тогда как лишь 17% полагали, что ее *также* занимала самореклама, и всего лишь 3% считали, что она *в первую очередь* занималась саморекламой.

Как проблема для исследования формирования репутаций упор на ее искренность удивляет еще больше, поскольку она собственной персоной появлялась по крайней мере в шести коммерческих радиопрограммах каждую неделю. Но хотя она и занималась явно той же рекламной деятельностью, как и другие, большинство опрошенных считали ее прямой антитезой всему, что представляли собой другие дикторы и звезды. По словам одного из ее поклонников, «она искренний человек и всегда *действительно убеждена* в том, что говорит. Не просто сидит там себе, болтает и получает за это деньги. Она не такая, как другие».

Откуда эта ошеломляющая вера в искренность Смит? Безусловно, то же самое общество, которое порождает чувство отчуждения и отстранения, вызывает у многих и стремление к восстановлению доверия, сильное желание верить, безотчетную веру. Но почему же имен-

но Смит стала объектом этой веры для многих в общем-то недоверчивых людей? Почему именно ее представляют искренней те, кто ищет спасения от фальши? Почему считают, что она в своих мотивах выше жадности, амбиций и классовой спеси? Каковы социально-психологические причины восприятия Смит как воплощения искренности?

Среди нескольких причин мы бы хотели изучить здесь ту, которая имеет самое непосредственное отношение к теории массовых убеждений. Ключом к разгадке является тот факт, что среди слушавших кампанию Смит по продаже военных облигаций больше тех, кто убежден в ее бескорыстном патриотизме, чем среди тех, кто не слушал. Это, похоже, указывает на то, что кампания-марафон увеличила веру публики в ее искренность. Но надо учитывать и ту возможность, что те ее почитатели, для которых ее искренность безусловна, вероятнее всего слышали эти передачи. Поэтому, чтобы определить, укрепил ли марафон эту уверенность на самом деле, нам надо сравнить постоянных слушателей ее программы с теми, кто не является ее поклонниками. В каждой группе значительно больше доля людей из слушавших марафон, которые убеждены в том, что Смит преследовала исключительно патриотические цели^{12а}. Это касается и ее преданных почитателей, и тех, кто совсем не слушал ее регулярных программ. Другими словами, мы как бы сделали моментальный снимок скрытой камерой в тот самый момент, когда произошло укрепление репутации Смит как искреннего человека. Мы на мгновение приостановили процесс создания репутации.

Но если марафон увеличил веру в искренность Смит, то как это произошло? Именно тут наши интенсивные интервью с их зачастую оригинальными и поражающими подробностями помогают нам интерпретировать статистические результаты опроса. Атмосфера во время марафона отражала непреклонное, решительное стремление прорваться через непреодолимые трудности. Некоторые распознали признаки напряжения и храброго упорства. «Последнее время голос у нее ослабел, но она выдержала все, как настоящий боец», — говорит проникательная домохозяйка. Некоторые мысленно перенеслись в ситуацию, которую они так ярко представляли себе: ведущая невероятно устала, но продолжает стойко выполнять свой долг. Полные сочувствия к ней сообщения ее помощника Теда Коллинза усилили их беспокойство по поводу перенапряжения, которому подвергала себя Смит. «Я почувствовал, что больше не выдержу, — вспоминает один респондент. — Слова мистера Коллинза, что она на пределе сил, так на меня подействовали, что я просто не мог больше вытерпеть». Марафон приобрел черты ритуала самопожертвования.

^{12а} Статистические данные можно найти в *ibid.*, pp. 87—88. — *Примеч. автора.*

Короче говоря, ее искренность подтверждалась не столько тем, что она *говорит*, сколько тем, что она *делает*. Именно предполагаемый стресс и напряжение при восемнадцатичасовом эфире, именно дело, а не слово послужили бесспорным доказательством. Слушатели могли бы усомниться, не слишком ли она сама сгущает краски, но им некуда было деться от неопровержимого доказательства, что она посвящает весь день этой задаче. Говоря о прямом свидетельстве поведения Смит, другой респондент объясняет, что «она была в эфире весь день, а другие нет. Поэтому и казалось, что она большим жертвует и более искренняя». Как процесс убеждения марафон превратил начальные чувства скептицизма и недоверия среди слушателей сначала в неохотное, а потом полноценное признание честности Смит. Последующие передачи расценивались как выполнение на деле обещаний, данных на словах. Слова были подкреплены тем, что она на самом деле сделала. Бумажная ценность разговора была принята, так как была обеспечена золотом поведения, более того, золотому запасу не надо было даже примерно равняться количеству бумажных денег, которое он обеспечивает.

Эмпирические исследования говорят о том, что пропаганда действием может быть эффективна среди тех самых людей, которые не доверяют пропаганде словом. Там, где есть социальная дезорганизация, *аномия*, сталкивающиеся ценности, там пропаганда достигает размаха эпидемии. Любую формулировку ценностей могут посчитать «простой пропагандой». Призывы внушают подозрение. Но пропаганда действием вызывает больше доверия. Аудитории в целом позволено делать свои собственные выводы из действий, и скорее всего у них не возникнет чувства, что ими манипулируют. Когда действие пропагандиста и его слова символически совпадают, это вызывает веру в его искренность. Дальнейшее исследование должно определить, является ли эта модель пропаганды значительно более эффективной в обществах, страдающих от аномии, чем в тех, которые более полно интегрированы. Но, подобно важному примеру Малиновского, этот случай демонстрирует роль эмпирического исследования, заключающуюся в том, что оно подсказывает новые переменные, которые надо включить в конкретную теорию.

3. Переориентация теории на другие проблемы (Новые методы эмпирического исследования вызывают новые ориентации теоретического интереса)

До сих пор мы рассматривали влияние эмпирического исследования на разработку частных теорий. Но оно также оказывает воздействие на более общие тенденции развития теории. В основном это

происходит благодаря изобретению процедур исследования, которые стремятся перенести внимание теоретика на разрастающиеся объекты исследования.

Причины этого в целом очевидны. В конце концов, хорошая теория расцветает только на благодатной почве существенных фактов, и вновь созданные процедуры помогают подпитывать эту почву важными ингредиентами. Новые и часто ранее недоступные данные порождают свежие гипотезы. Более того, теоретики обнаруживают, что их гипотезы можно немедленно проверить в тех сферах, где созданы соответствующие методики эмпирического исследования. Им не надо больше ждать, когда же появятся данные, — можно тут же приступить к исследованиям, направленным на верификацию гипотез. Таким образом, поток существенных данных увеличивает темпы продвижения в определенных сферах теории, тогда как в других теория переживает стагнацию из-за недостатка адекватных наблюдений. Соответственно этому смещается и интерес ученого.

Отмечая, что новые темы, представляющие теоретический интерес, появляются вслед за созданием исследовательских процедур, мы не хотим сказать, что только они играют решающую роль¹³. Растущий интерес к теории пропаганды как к инструменту социального контроля, например, по большей части является реакцией на изменяющуюся историческую ситуацию с ее конфликтом основных идеологических систем, новыми технологиями средств массовой информации, которые открыли новые средства для пропаганды и богатые сокровищницы для исследования, предоставленные бизнесом и правительством, заинтересованными в этом новом оружии войны, как объявленной, так и не объявленной. Но это смещение акцента также является побочным продуктом накопленных фактов, ставших доступными благодаря таким недавно разработанным и, по общему признанию, незрелым методикам, как контент-анализ, панельный опрос и фокусированное интервью.

Примеров такого влияния в современной истории социальной теории множество, но у нас хватит времени упомянуть лишь некоторые. Так, увеличение интереса к теории формирования характера и личности в связи с социальной структурой стало заметным после введения новых проективных методов. Самыми известными из них являются тест Роршаха, тест тематической апперцепции, игровые методики и завершение рассказов. Сходным образом социометрические методы Морено и других ученых, новые достижения в методе «пассивно-

¹³ Наверное, нет необходимости добавлять, что эти процедуры, инструменты и аппарат, в свою очередь, зависят от прежней теории. Но это не изменяет их стимулирующего воздействия на дальнейшее развитие теории. — *Примеч. автора.*

го интервью» возродили интерес к теории межличностных отношений. Именно подобные методики сначала вызвали теоретический интерес к неформальным социальным структурам как промежуточному звену между индивидом и большими формальными организациями, а в итоге привели к тому, что можно было бы назвать «повторным открытием первичной группы». Этот интерес нашел отражение во всей литературе о роли и структуре неформальной группы, например, в заводских социальных системах, бюрократических и политических организациях. Сходным образом можно ожидать, что недавнее введение панельного опроса — повторного интервью с той же самой группой респондентов — с течением времени в большей степени сосредоточит внимание социальных психологов на теории формирования установок, выборе одной из альтернатив, факторах политического участия и детерминантов поведения в случае противоречивых ролевых требований, и это лишь несколько видов проблем, которым этот метод особенно подходит.

Вероятно, самое прямое воздействие методик исследования на теорию имело место в результате создания социологической статистики, упорядоченной с помощью теоретически уместных категорий. Толкотт Парсонс заметил, что числовые данные представляют научную важность только тогда, когда их можно привести в соответствие с аналитическими категориями, и что «огромное число современных исследований представляют факты в таком виде, в каком их не может применить ни одна современная обобщенная аналитическая система»¹⁴. Эти совершенно заслуженные критические замечания, высказанные не так уж давно, постепенно теряют свою актуальность. В прошлом социологу в основном приходилось иметь дело с *собранными заранее* статистическими данными, обычно упорядоченными безотносительно к социологическим целям и поэтому не выраженными в категориях, непосредственно подходящих для какой-то теоретической системы. В результате, по крайней мере что касается количественных фактов, теоретик был вынужден работать с данными, заимствованными из других исследований и имеющими лишь отдаленное отношение к его проблемам. Это не только приводило к ошибкам — посмотреть хотя бы на весьма приблизительные индексы социальной сплоченности, на которые пришлось полагаться Дюркгейму, — но также означало, что теории приходилось дожидаться случайно

¹⁴ Talcott Parsons, «The role of theory in social research», *American Sociological Review*, III (1938), 19; cf. его *The Structure of Social Action* (New York, 1937), 328—329n. «...в социальной области большинство имеющейся статистической информации находится на том уровне, который никак не подходит категориям аналитической теории». — *Примеч. автора.*

го появления нужных данных и она не могла быстро продвигаться. Теперь эта картина стала меняться.

Теоретик уже не зависит почти исключительно от того, согласится ли административный совет или агентство по выплате пособий предоставить нужные ему количественные данные. Программный очерк Тарда¹⁵, написанный полвека назад и посвященный потребности социальной психологии (особенно тех ее разделов, которые связаны с изучением позиций, мнений и настроений) в статистике, уже наполовину воплощен в жизнь. Исследователи, изучающие организацию общества, тоже создают статистику по классовой структуре, поведению в ассоциациях, формированию клика, и это наложило свой отпечаток на теоретические интересы. Этнические исследования начинают предоставлять количественные данные, которые переориентируют теоретика. Вполне можно предположить, что огромный, накопленный во время войны социологический материал — особенно исследовательским филиалом отдела информации и образования военного министерства, — материал, появившийся отчасти благодаря новым методам исследования, увеличит интерес к теории морального состояния группы, теории пропаганды и лидерства^{15а}. Но наверное, и этих примеров достаточно.

Сказанное не означает, что большое количество статистических материалов само по себе развивает теорию, а также что теоретический интерес обычно перемещается в те области, где в избытке есть *подходящие* статистические данные^{15б}. Более того, мы всего лишь привлекаем внимание к смещению акцента, а не оцениваем его. Вполне может быть, что при этом внимание переносится на проблемы, которые в теоретическом или гуманитарном смысле являются «незначительными»; это может отвлечь внимание от проблем с большей значимостью, переключая его на те, которые кажутся быстроразрешимыми. Ввиду отсутствия детального исследования трудно утверждать что-нибудь определенное по этому вопросу. Но сама модель кажется достаточно ясной как в социологии, так и в других дисциплинах: когда благодаря применению новых методов появляются новые и ранее недоступные факты, теоретики обращают свой аналитический взор на осмысление этих данных и разрабатывают новые направления исследования.

¹⁵ Gabriel Tarde, *Essais et melanges sociologique* (Paris, 1895), 230—270. — *Примеч. автора.*

^{15а} Как и оказалось после публикации работы: S.A. Stouffer et al. «The American Soldier». — *Примеч. автора.*

^{15б} Статистические данные тоже способствуют достаточной точности в исследовании, чтобы подвергнуть теорию окончательной проверке; см. обсуждение функций точности в главе IV. — *Примеч. автора.*

4. Уточнение понятий

(Эмпирическое исследование требует ясных понятий)

Большая часть работы, называемой «теоретизированием», посвящена уточнению понятий, и это вполне оправдано. Именно в вопросе четкого определения понятий социологическое исследование и бывает зачастую несовершенным. Исследование, продиктованное интересом к методологии, может быть запланировано как установление причинных отношений без должного анализа переменных, используемых в исследовании. Этот методологический эмпиризм, как можно назвать план исследования без соотносительного интереса к уточнению основных переменных, характерен для большей части современного исследования. Так, в ряде эффективно задуманных экспериментов Чэпин находит, что «переселение семей из трущоб в муниципальные дома приводит к улучшению жизненных условий и социальной жизни этих семей»¹⁶. Или посредством контрольных экспериментов психологи выясняют, как влияет проживание ребенка у приемных родителей на его результаты тестов умственного развития¹⁷. Или опять-таки через эксперимент исследователи пытаются установить, достиг ли пропагандистский фильм своей цели — улучшить отношение к британцам. Эти несколько случаев — а они дают представление о большом числе исследований, способствующих развитию социологического метода, — объединяет то, что эмпирические переменные не анализируются с точки зрения их концептуальных элементов¹⁸. Как с присущей ей ясностью Ребекка Уэст сформулировала эту общую проблему методологического эмпиризма, «можно знать, что А, В и С связаны некими причинными связями, но никогда нельзя сколько-нибудь точно предугадать природу А, В или С». В результате эти исследования развивают исследовательские методики, но их данные не являются базой кумулятивной социологической теории.

Но в целом уточнение понятий, обычно считающееся областью теоретика, часто является результатом эмпирического изучения. Ис-

¹⁶ F.S. Chapin, «The effects of slum clearance and rehousing on family and community relationships in Minneapolis», *American Journal of Sociology*, 1938, 43, 744—763. — *Примеч. автора.*

¹⁷ R.R. Sears, «Child Psychology», в Wayne Dennis, ed., *Current Trends in Psychology* (University of Pittsburgh Press, 1947), 55—56. Комментарии Сearса по поводу этого вида исследования прекрасно формулируют общую проблему. — *Примеч. автора.*

¹⁸ Какими бы они ни были приблизительными, методики, подобные фокусированному интервью, явно задуманы как средства для распознавания возможно существенных переменных в первоначально недифференцированной ситуации. См. R.K. Merton, M. Fiske and P.L. Kendall, *The Focussed Interview* (Glencoe, Illinois: The Free Press, 1956). — *Примеч. автора.*

следование, чутко осознающее свои собственные задачи, не может спокойно проигнорировать настоятельную необходимость уточнить понятия. *Ибо основное требование исследования заключается в том, чтобы понятия, переменные были определены с достаточной ясностью, позволяя тем самым продолжить исследование.* Этому требованию не соответствует тот вид дискурсивного изложения, который часто ошибочно называют социологической теорией.

Уточнение понятий в ходе эмпирического исследования обычно заключается в установлении *индексов* рассматриваемых переменных. Чисто умозрительно можно сколько угодно рассуждать о «моральном состоянии» или «социальной сплоченности», не имея точного представления, какое значение закреплено за этими терминами, но их *необходимо* уточнить, если исследователю предстоит заниматься своим обычным делом, систематически наблюдая примеры высокой и низкой степени морального состояния, социальной сплоченности или социального раскола. Если он не хочет застопориться в самом начале, он должен создать такие индексы, которые будут наблюдаемыми, достаточно точными и предельно ясными. Целое направление мысли, получившее название «операционализм», является лишь одним наглядным примером того, что исследователю требуется достаточно точное определение понятий, чтобы он мог приступить к работе.

Это обычно понимают те социологи, у которых теоретическая ориентация сочетается с систематическим эмпирическим исследованием. Дюркгейм, например, несмотря на то что его терминология и индексы теперь кажутся приблизительными и спорными, четко осознавал необходимость создания индексов для своих понятий. Он неоднократно утверждал, что «необходимо... заменить внутренний факт, ускользающий от нас, на внешний, который его символизирует, и изучать первый через второй»¹⁹. Индекс, или знак концептуализированного предмета, находится в идеальном взаимно однозначном соответствии с тем, что он обозначает (и трудность установления этого отношения является, конечно, одной из главных задач исследования). Поскольку индекс и его объект связаны именно таким образом, можно задать вопрос, на каком основании один берется как индекс, а второй как индексированная переменная. Как полагал Дюркгейм и как заново указала Сюзан Лэнгер, индекс — это тот элемент в корреля-

¹⁹ Emile Durkheim, *Division of Labor in Society* (New York: Macmillan, 1933), 66; также: *Les regles de la methode sociologique* (Paris, 1895), 55—58; *Le Suicide* (Paris, 1930), 356 and passim. Cf. R.K. Merton, «Durkheim's *Division of Labor in Society*», *American Journal of Sociology*, 1934, 40, esp. 326—327, в которой затрагивается вопрос об индексах; подробно разработанный анализ см.: Lazarsfeld and Rosenberg, eds., *The Language of Social Research*, Intro. To Section I. — *Примеч. автора.*

ционной паре, который является воспринимаемым, а второй, который почти (или совсем) недоступен, является теоретически релевантным²⁰. Так, шкала установок делает доступными индексы таких установок, которые нельзя четко выделить во всяком ином случае, а экологическая статистика выявляет индексы разнообразных социальных структур в самых различных регионах.

Таким образом, то, что в исследованиях, позволяющих ввести количественный подход (например, разработав шкалу), часто выглядит как тенденция, можно рассматривать как попытку уточнить понятия настолько, чтобы стало возможным проведение эмпирических исследований. Разработка обоснованных и наблюдаемых индексов становится определяющим моментом для использования понятий при проведении исследования. Заключительный пример покажет, как настоятельно исследование требует уточнения устаревших социологических понятий, которые на уровне дискурсивного изложения оставались недостаточно определенными и неуточненными.

Концепция, являющаяся основной для социологии, гласит, что у индивидов есть множественные социальные роли и они склонны организовывать свое поведение с точки зрения определенных структур ожиданий, связанных с каждой ролью. Считается далее, что чем менее интегрировано общество, тем чаще индивиды будут испытывать напряжение из-за несовместимости социальных ролей. Типичные случаи многочисленны и хорошо известны: католик-коммунист, испытывающий давление от партии и церкви, маргинал, страдающий от требований противоборствующих групп, женщина с престижной работой, разрывающаяся между семьей и карьерой. В каждом социологическом учебнике приводится масса примеров несовместимых требований, предъявляемых к людям с множественными ролями.

Возможно потому, что она подвергалась лишь дискурсивным интерпретациям и редко была главным предметом систематического исследования, эту центральную проблему конфликтующих ролей еще предстоит существенно уточнить и разработать, не останавливаясь на том, что было достигнуто десятилетия назад. Томас и Знанецкий давно уже указывали, что конфликты между социальными ролями можно ослабить с помощью конвенционализации и сегментации ролей (закрепляя каждый набор ролевых требований за разными ситуациями)²¹. А другие отмечали, что частый конфликт между ролями является дисфункциональным и для общества, а не только для индивида.

²⁰ Suzanne K. Langer, *Philosophy in a New Key* (New York: Penguin Book, 1948), 46—47. — *Примеч. автора.*

²¹ W.I. Thomas and F. Znaniecki, *The Polish Peasant* (New York: Knopf, 1927), 1866—1870, 1888, 1899 ff. — *Примеч. автора.*

Но при этом не затрагивают очень многие бросающиеся в глаза проблемы: на чем следует основываться, прогнозируя поведение людей с конфликтными ролями? А когда нужно выносить решение, то какая роль (или какая групповая солидарность) превосходит другие по важности? При каких условиях та или другая оказывается господствующей? На уровне дискурсивного мышления предполагалось, что преобладающей окажется роль, с которой индивид отождествляет себя полнее всего; тем самым предлагалось тавтологическое псевдорешение проблемы. Или возьмем проблему прогнозирования поведения, вытекающего из несовместимости ролей: от этой исследовательской проблемы, требующей операционального уточнения понятий солидарности, конфликта, ролевых требований и ситуации, уходили, отделившись замечанием, что конфликты ролей типичным образом приводят к фрустрации.

Совсем недавно эмпирическое исследование потребовало уточнения ключевых понятий, связанных с этой проблемой. Были созданы индексы, характеризующие взаимное давление конфликтных групп, и проведены наблюдения за появившимся в результате поведением в определенных ситуациях. Началом работы в этом направлении послужило определенное обстоятельство; было показано, что в конкретной ситуации принятия решения, такой, как голосование, индивиды, испытывающие на себе эти перекрестные давления, реагируют следующим образом: они откладывают свое решение на потом. А при условиях, которые еще предстоит определить, они пытаются уменьшить конфликт, покидая поле битвы: они теряют интерес к политической кампании. И наконец, в этих данных есть указания на то, что в случаях перекрестного давления на избирателя основное значение обычно имеет его социально-экономическое положение²². Как бы то ни было, важным моментом является то, что в этом примере, как и в других, сами требования эмпирического исследования способствовали уточнению полученных понятий. В ходе эмпирического исследования возникают концептуальные вопросы, которые могут долго оставаться непознанными в теоретическом исследовании.

Теперь остается сделать несколько заключительных замечаний. Мой анализ был исключительно посвящен четырем видам воздействия эмпирического исследования на развитие социальной теории: основанию, новой формулировке, переориентации и уточнению теории. Несомненно, есть и другие. Также несомненно, что акценты, расставленные в этой главе, можно неправильно понять. Можно прийти к

²² Lazarsfeld, Berelson and Gaudet, *The People's Choice*, Chapter VI, и следующая за этим работа: D. Berelson, P.F. Lazarsfeld and W.N. McPhee, *Voting* (University of Chicago Press, 1954). — *Примеч. автора.*

выводу, что я сделал обидное для теории и теоретика сравнение. Это не входило в мои намерения. Я лишь высказал ту мысль, что эксплицитно сформулированная теория не обязательно всегда предшествует эмпирическому изучению, что теоретик не обязательно является факелом, освещающим путь к новым наблюдениям. Порядок следования часто бывает обратным. Также недостаточно сказать, что эмпирическое исследование и теория должны вступить в брак, чтобы социология принесла законные плоды. Они должны не только дать друг другу торжественную клятву — им надо научиться жить вместе дальше. Нужно четко определить их обоюдные роли. В этой главе дается сжатый набросок такого определения.

Сканирование и обработка: Андрей Н. Андреев

25.09.09